

ОЛЕСЯ РУДЯГИНА

В ТРЮМЕ ЗАТОНУВШЕГО ИЮНЯ

СЛУШАЯ ПЕРЕДАЧУ ЛИТЕРАТУРНОГО РАДИО

слева окно заснежена крыша антенна + рыжий кот
в наушниках зной песок окаймляет чёрное око вод
око зелёное льда не мигая тает ладонь горит
снег во сне не упав умирает упав всё равно болит

голос да голос твой обтекая преграды на самом дне
вечное русло себе пролагает тайно навек во мне
смеха глубокий плеск державин? залюбовался б тобой
неодолимое расставанье жизнь испытанье судьбой

МАКИ

Ты – маленькой была, я – молодой...
М.Ц.

Я помню: останавливался поезд
На полустанках, утопая в травах,
И ветер упоительной дороги
Косички лёгонькие мне трепал,
И, тонкие в запястьях, руки мамы,
Волнуясь, маки дикие срывали,
И трогал поезд,
И слегка качался
В стакане с подстаканником букет.

Но скоро, оскорблённо отлетала
Его душа, – быстрее, чем меркло небо,
И мотыльками алыми, безмолвно
Она, дрожа, срывалась со стола
И по купе в последний раз парила
И, смертно вдруг устав, роняла крылья...

Так многих я отплакала,
Чего же
Всё помню мёртвых маков лепестки?

У ЛУКОМОРЬЯ

Три дня до осени. В прибрежных барах
завоза нет, и продавцы лениво
потягивают шабское. Пустынно
на только что галдящих пёстрых пляжах.

Следы бакланов и жемчужных чашек
песочек остывающий покроют
к закату, и неторопливо
взойдёт планета.

Прошепчу прибою
впечатленные с детства в память строчки:
*«Над чёрным носом нашей субмарины
взошла Венера – странная звезда...»*¹.

К ней взгляд прикован, как пудовой цепью,
и что-то не сегодняшнее реет,
над головою, пряди вороша.

Чья жизнь во мне упрямо прорастает,
кто изнутри колотит верным сердцем,
как в стены безысходной одиночки,
единоверцев истово ища
несвоевременно?

Всегда печаль на взводе
у моря Чёрного родного лукоморья,
но ясный взор за горизонт ушедших
к Тебе родных людей – хранит меня...

¹ Стихотворение Константина Симонова.

ПО ДОРОГЕ В МЦХЕТА

Николаю Свентицкому

– Не бойся, дорогая, вот ладони,
они сейчас надёжней, чем гнездо!
На север солнце голову наклонит,
ось сдвинется земная, рухнет дом, –
всё может стать в этом лучшем мире
из темени наструганных миров...
Автобусы причалили, мы в мире
с душой стихов, лишённой зла оков.
Мы курим, покупаем впрок в кафешке
в дорогу семечки, орешки, воду пьём,
Но заметалась ласточка, в крошечной
тревоге за птенцов, и окоём
небес исполнен неземной угрозы
чужой мелодии ей незнакомых слов,
И в сердце человеческом – занозой
пичуги ужас, явственный, как ров,
в котором...

Болен «измов» блудом,
двадцатый век был щедр на эти рвы...
О, матери обыденное чудо –
глаза и щебет, и крыла детвы!

– Не бойся, ласточка, всё хорошо с тобою,
прибоем рифм беды не принесло.
Твоих детей навеки я укрою
на дне души – там ясно и светло.

Когда ты пропадешь надолго
я
задерживаю дыханье
ныряя на дно
на самое дно неумолимых буден
где бирюзовопрозрачна вода
околоплодная
печальной души
и в трюме затонувшего
июня
листаю книгу поющую книгу...

с мерцающих страниц
осыпаются
звёзды стихи
цветы и зёрна граната

МЕЛИССА

От лета останется запах мелиссы,
и отмели памяти, не занесённые
листвой отлюбившей
(ах, отлепетала, ветвям отшептала,
отластилась, пала!..)
Там день исполняется медленно, вольно
контральто задумчивых пчёл золотоносных,
и гроздь тягучих, янтарных созвездий
лозу отягчают, знобят, пригибая к земле;
сладострастны цыганские ночи –
О, августа табор вселенский, кочевье:
сверчки и полынный настой той дороги,
что Млечным путём пролилась меж холмами!..
И детское до-олго – го-ло-во-кру-женье
стрекоз, звездопадов, трав,
ливней и радуг –
от лета останется...

Запах мелиссы,
пучками свисающей
с гвоздика в кухне.

СТАРАЯ-СТАРАЯ ПЕСНЯ

*Миленький ты мой,
Возьми меня с собой...*

Ни женой, ни сестрой, ни чужой –
помню, помню.
Но в дороге же фляга нужна? –
возьми флягой!
Там такая живая вода,
мёд – вино, песня,
ввечеру иль с утра –
уст коснётся –
душу согреет.

Ни сестрой, ни чужой, ни женой –
знаю, знаю.
Но без бурки казак – не казак,
возьми буркой!
Белой чёрной шелковой, –
ни стужа, ни пуля, ни ветер –
коль обнимет она –
вовек
не остудят сердца.

Ни чужой, ни женой, ни сестрой,
не буду – не буду.
Знать не знай, не зови, позабудь, –
возьми пашкой!
Продолженьем руки –
верной пашкой в бою,
белой
красной
горевой заревой вечной конницы,
бьющейся насмерть.

ОНА

Всё так
как ты для себя не желал
поёт и поёт
и нет от неё избавленья
и отдыха нет
проснёшься в ночи копошится
до света встанет
и пробужая голос ликует
и солнце встанет
под эту незримую птаху
под эту дуду
реликтовую
под неё ли Господь колдовал
над горсточкой глины
и долго прохладу вдыхал
в пока ещё мёртвые губы
но вот же
вот-вот
уже розовеют
уже тень улыбки едва
коснулась
теплеющих глаз
мир испит словно спет

но мой осторожный создатель
мой тихий поэт
боится услышать
не слышит
в себе
будто
нет

узнаешь к прощанию
 что нет ни прощаний, ни тьмы
 что есть только свет
 только взгляд по-над
 жизнью летящей
 какой бы ни утлой
 лодчонкой
 ни горько пропащей
 несущей к порогу тебя
 за которым лишь сны
 цветные счастливые
 лёгкость неслышных стрекоз
 волна за волной
 тёплый шторм нескончаемый лета
 мне так наяву часто снилась
 мелодия эта
 что стоит ли смерть
 дорожить и терзаться тобой

НЕОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ (ЭХО)

*одно белковое тело пришло к другому
 [...]
 чтобы терять дарёную связь с потусторонним
 мирам (хотя его, несомненно, и нет)
 и вообще, хрипит, когда мы родных хороним
 им на смену приходит не ветер, а чёрный свет
 Б. Кеңжеев*

Памяти брата Олега

ну что ты что ты совсем всё не так там было
 в десять тысяч братьев повешенных звонил закат
 другое тело испуганно дверь не открыло
 а вдруг за ней десятьтысячпервый утраченный брат?!

и надо будет глядеть в глаза утешать утешаясь тщетно
 зелёный халат знамя хлам сбрасывать в пыль листву
 второе белковое тело от ужаса выло дискретно
 орган впрах расстроенный русишвайн влюблённый в литву

ему бы второму белковому белому телу не помешало
 самому наемкнуть на очертания хоть каких кораблей
 чтоб не страхом потери лютым – морскою болезнью качало
 ветер алый крепчал в облаках парусов-верлибрей

ему бы энному белковому полному телу
 выпотрошенному (не выговорить!) задолго до –
 психотропного танго излётного скрипки капеллу
 петть молиться начинать день с мажора умытого До

*чтоб не терять дарёную связь с потусторонним
 мирам (хотя посюстороннего, возможно, и нет)
 и вообще, – молчи! – когда мы родных хороним
 им на смену ничто не приходит, и чёрен свет*

я знаю где-то на другой планете
мы с ним давно и счастливо живём
очаг в доме и маленькие дети
и яркие будни и певучи в нём
и плещет рядом – вечным летом – море
в ветвях мерцает царственно гранат
но в неизбывном горестном укорё
вслед чей-то взгляд
вселенную назад